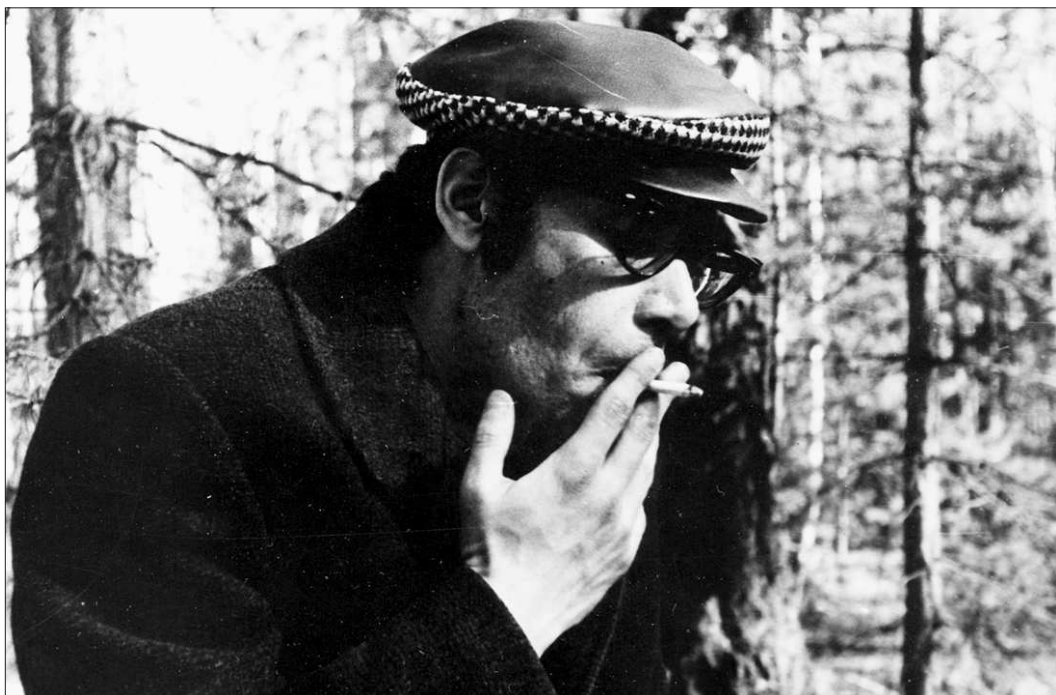

Кавалер «Золотого Остапа»

Известный юморист Герман Дробиз убежден: юмор – дело молодых, однако «Литературная газета» и сегодня ставит его «рифмульки» прямо в номер

Ирина КЛЕПИКОВА

У Германа Фёдоровича есть рассказ «Моя встреча с Мандельштамом». Ничего себе?! «Встреча была краткой», – пишет Г. Дробиз, – и довольно сухой. Если быть точным, мы вообще не сказали друг другу ни слова. Я – оттого, что ещё не умел разговаривать с теми, кто старше, а старше меня тогда были все, кто меня окружал, абсолютно все. Позже я стал большим болтуном, особенно в дружеских застольях. Жалкие выкрики: «Заткните ему фонтан!», «Старик, дай тебе возражу! Дай же сказать, старик!» – только раскаляли и без того могучий жар моего неумолимого трёпа. Но в день встречи с Осипом Эмилевичем я был ещё необычайно застенчив и молчалив...
Невероятно: Мандельштам превратился в будущего юмориста и сатирика при рождении.

На поприще юмора и сатиры Герман Дробиз не раз «давал прикурить» другим

– Да, было. Как-то в одном журнале попались сведения: когда в 1938 году Мандельштама арестовали, первые дни августа он провёл на Свердловской пересылке, крупнейшей тогда в стране. А я родился 4 августа. Тот роддом (в обиходе сегодня – ОММ) до сих пор стоит. И если из его окон посмотреть через маленькую круглую площадку вдали, то взгляд упирается в... окна следственного изолятора. Вот я и вообразил: мамочка меня поднимает в окно, а где-то там, через сто метров, за решёткой стоит заключённый Мандельштам. И со мной разговаривает: «Не пиши, – говорит, – таких стихов, какие я писал».

– Вы таких и не писали. Хотя в литературе благословлены, выходит, Мандельштам? Это – если образно. А если – реально?
– Когда я думаю, откуда во мне что взялось, – предпосылки-то были. Бабушка – потрясающая рассказчица. Не был бы я дураком – записывал бы. Папа лет в 80 придумал сюжет киносценария – про судью немцев, которых 1941 год застал здесь. Замечательная, человеческая история. Гены «сочинительские» значит. А ещё (любопытная деталь!) папа, обаянный, как большинство тогдашних уральцев, выписывал «Уральский рабочий» и «Правду», как ни странно, выписывал ещё «Литературную газету» – а ведь он и представить не мог, что в сыне расцветёт будущий сочинитель...

– Мне, кстати, вообще не приходило в голову, что рано или поздно я стану взрослым. Хотел всю жизнь быть маленьким. И вдруг однажды слышу от старшей сестры: «А я книжку сделала». Оказывается, она сочинила десятка полтора стихотворений, написала их на листочках печатными буквами, склеила и из картонки сделала обложку. Я обомлел: моя сестра Эллочка – писательница? Решил тоже писать стихи. Но нет, чтоб сказать: «Напиши лучше», взялся «написать больше». У неё, считал, 19 стихотворений – я решил написать 20. И написал.

– И «издали»?
– Картон не нашёл. Но стихи лежат дома до сих пор. Более бездарных стихов, чем те мои, я не встречал! Мальчик, который уже читал Пушкина, Некрасова, не чувствовал элементарного ритма. Тем не менее в восемь лет сказал: «Буду писателем или поэтом». И никаких разговоров о «пожарном», «осмонавте».

– Так как же вас качнуло от поэзии в УПИ?
– Родственники отсоветовали заниматься литературой. Закончили школу с золотой медалью, я наворстил лыжи на журак. Но папа и сестра сказали: «Мы читали твои сочинения – они банальные, как у всех. Иди в технический вуз – инженером хочешь станешь». Я даже с ними согласился: тогда писать сочинения значило цитировать Ленина, Горького, Маяковского и, Боже упаси, – что-нибудь своё...

– Остановился на УПИ. Хожу, выбираю факультет – где поменьше чертнить надо. Трояк по черчению не лишил меня золотой медали (предмет не учитывался), но всё-таки это был трояк. С глазомером неважно. Выбрал энергофак: на осцилло-

графе красивая синусоида летала по экрану. А кроме того, в вестибуле висел список кружков самодеятельности, и среди них – литературное объединение. Решил: буду учиться на инженера, а сюда буду ходить.

– Кажется, в УПИ осталась традиция встречаться 1 апреля разным поколениям редакционной «БОКСа»? Нынче встречались?
– А как же?! Хотя уже человек 12–15 всего, а ведь за полвека через «БОКС» прошло больше 100. Сидим – болтаем. И из последних сил выпускаем для себя эту маленькую газету. Потому вывешиваем и оставляем нынешним студентам. На первоапрельских сборах – люди в основном пожилые. Самым молодым – за 50. Мы – вообще, патриархи. Да и газета уже исчезла из бытия, а это было своеобразное издание. В 1958 году (Боже, как давно это было!) комитет комсомола УПИ направил группу «БОКСа» во главе со мной в Москву и Ленинград показать тамшнему студентам нашу газету. Мы штук 20 газет-рулонов везли. Показали в Бауманке, Московском энергетическом, Ленинградском политехе – там ничего такого не было, студенты сбежали толпами! Мы даже занятия сорвали. Народ изумлялся: в техническом вузе – и такое творчество!

– Если спуститесь в метро на станции «Динамо» – увидите табличку: «Проект Леонида Масленникова», а он у меня, чудесный человек, архитектор, карикатуры рисовал. И тексты писали чудные. Кроме меня, правда, в писатели никто не пошёл, а пошла бы – были б вполне известные иронические литераторы. Геннадий Потопов, Отто Новожилов...

– В вашей книге «Вот в чём фокус», припоминаю, есть фраза: «В детстве я не был шутником. Кто же сбил с панталыку?» И сами же отвечаете – учитель-физик.

– В реальности это был математик... Боже, забыл его имя. Как стыдно! А это был замечательный педагог. Представляете: сталинские годы, а он входит в наш мужской класс – «Анекдот новый рассказать?», «Нематерный, неполитический, но... Детям! Учитель! Анекдот! Мы жрём. Оживились. А он: «Теперь – квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Мы, благодарные за настроение, учимся этой чёртовой математике. Постепенно «квадрат гипотенузы» начинает надоедать, многие не понимают. Он – опять: «Что-то вы у меня закручили!» и рассказывает смешную историю. Вот такой был человек. Мы его обожали! В юмореске – его образ. Только шутки пришли в голову физическим.

– Линия жизни, как известно, складывается не только из собственных усилий, но и от пересечений с другими людьми. Из рассказа «А morto Пастернак» знаю: вы писали письмо в защиту памяти Пастернака...
– Черновик до сих пор дома хранится... У Пастернака есть гениальная книга молодых стихов «Сестра моя – жизнь». Помните слова, которыми в 30-е годы поливали Шостаковича, – «сумбур вместо музыки». Так

Герман Дробиз считает: «Юмор всегда надо проверять на публике»

вот, «Сестра моя – жизнь» – гениальный музыкальный сумбур: смысл иных строк невозможно понять, но они завораживают! И я, когда один мой приятель прочитал два-три его стихотворения, был потрясён. Читавший уже много русской классики, маленько понимавший в литературе, я представить не мог, что русскими словами можно создавать ТАКОЕ!

– И вот когда умер Пастернак (мне было 22 года), потрясло, что в некрологе не было даже дежурного «С причастием...» Семь строк непоняты были словно процеженные сквозь зубы. И тогда я взял и написал несколько разнокалиберных писателем, которые, по моему представлению, были порядочными людьми – Асееву, Шолоховскому, Сельвинскому, Эренбургу. Главный пафос письма – «вернуть поэту имя, а народу – поэта».

– Две недели ждал, и вот однажды в почтовом ящике белее конвертик. Ещё не взяв его в руки, понял, от кого. Обратный адрес – Москва, ул. Горького и подпись-закорючка. Внутри – листочек из блокнота. На машинке. «Уважаемый тов. Дробиз! Совершенно с вами согласен. Делаю всё, что могу. С уважением Илья Эренбург».

– Поразило! И это ответил Эренбург! А больше – как попрощались с Пастернаком, как травили его. В газетах были «отклики трудящихся», которые «Доктора Живаго», разумеется, не читали, но были против. У меня до сих пор хранится страница из «Литературки» с заметкой «Квакала лягушка в болоте» (про Пастернака!), автор – Герой Социалистического Труда знатный экскаваторщик... Как Пастернак читал всё это?! Как пережил? После смерти Сталина прошло семь лет. Как же были запуганы даже достойные люди! Борис Слуцкий, поэт-фронтовик, на собрании Союза писателей выступил с яркой отповедью: «Нельзя советскому писателю печататься за границей, у врагов», а ведь Пастернака печатали в издательстве ЦК итальянской компании...

– Но я и про себя думаю: а будь я постарше и будь втянут в эту кампанию – был бы я сме-

лее и достойнее? Страшнонько ведь было...

– По вашим словам, юмор и сатира – «соль», «витамины» для общества. А ещё – спасение от страхов. Символично в этом смысле, что в юмор приходят часто из других сфер жизни. Стало быть, юмористический дар не Литинститутом шифруется – жизнью?
– Да, Гриша Горин и Аркадий Арканов – из медицинско-го, Феликс Камов, Эдик Успенский – Московский авиационный, Лёня Якубович, которого знают как шумена (а он замечательно писал для эстрады), – инженер-строитель, Жванецкий, позволо себе назвать его Мишей, – Одесский кораблестроительный. Бог знает – почему? Думаю, как и со мной. У них всё началось с самодеятельности, студенческой эстрады. Шутки, сценки, песенки, куплеты... Немногие кончали Литературный институт им. Горького, во всём мире больше такого учебного заведения нет. У нас, например, был вуз технического, а в нём – настоящие «звёзды эстрады»...

– Слушайте, в огромной стране я был единственным не москвичом и не ленинградцем, отмеченным «юмористическими» премиями, в том числе – «Золотым телёнком», «Золотым Остапом». А ведь «Крокодил», «Известия», «Литературка», где я печатался, были изданиями с миллионными тиражами. Слов нет, было лестно!
– В 1990-е меня вообще печатали от Калининграда до Владивостока. Не потому, что я такой замечательный. Просто повсюду были газеты, журналы и газеты юмористические. И отовсюду писали: «Пришлите что-нибудь». А потом всё исчезло.

– Сами как-то объясняете этот факт?
– Может, народу письменный юмор стал не нужен? Хотите ТВ-юмора? На каждом канале – по две-три передачи. На мой вкус, одна дурачливая пошла. Но зрители смеются. Понимаю: монтаж можно вставить кадр со смеющимися зрителями куда хошь – и не раз (что и происходит). А ещё: с Запада пришла маленькая гадость – когда включается закадровый смех и

провоцирует зал или зрителя у экрана: мол, смеялся!

– А ведь в сегодняшней жизни поводов для юмора, сатиры больше?

– И возможностей больше, свободы. Сегодня иные СМИ уж так полощут «высший эшелон», что во времена Хрущёва или Брежнева «хрюкни» они утром что-нибудь подобное – вечером в кандалах летели бы в Магадан. Сегодня «хрюкают» всё, что угодно. Приёмом фельетонной работы (ироническая речь, игра словами, пересмысление пословиц, поговорок) разошлись по журнальстишке. И мы читаем порой вполне серьёзную информацию, а в заголовке – ёрничанье. Могут пошутить, даже сообщая о трагедии разбившегося самолёта. Мол, «разбилась их мечта долететь до такого-то города».

– Может, поэтому умер жанр фельетона? Юмор, ёрничанье растворены везде, где и не надо, и не концентрируются там, где востребованы?

– Разговор заходит слишком далеко – о нравственном состоянии общества...

– Ладно, сменяю тему. Существует мнение, что юмористы – в жизни мрачные люди. Словно расщепляются за свой весёлый талант...

– Я звал разных. Гриша Горин был очень весёлый. Жванецкий – большой жизнелюб. Арканов – мрачноват, но это скорее его образ на сцене. А вот про меня, пожалуй, точно. Кто-то однажды сказал: «Вот ты остринь, а глаза у тебя грустные». Ну вот такой я!

– Иное дело – великие фигуры в юморе. Гоголь – человек трагической судьбы. О Зоценко все вспоминают как о нелюбимом, неразговорчивом. Саша Чёрный – из грустных юмористов. А не менее замечательный Аверченко был жутко жизнерадостный, бониван. Словом, закономерностей нет.

– Герман Фёдорович, юмор с возрастом иссякает?

– У меня – да. Юмор, как и поэзия, – удел молодых. А что бы стареющий юморист продолжал шутить... У Жванецкого есть на ТВ передача «Дежурный по стране», ну не смешно уже говорит Михал Михальчик! Но! (улыбается). Авторитет его у публики столь велик, что он может говорить теперь всё, что угодно.

– Не оттого ли, что «юмор иссякает», вы взялись за вполне серьёзную литературу? И едва написали, печатали своего «Мальчика», как тут же, в 2004 году, получили за повесть Бажовскую премию.

– Да написал-то я её лет в 40! Был преисполнен грусти об итогах Юмора напечатано много, а вот чего-то настоящего нет. И вдруг стал писать о своём детстве. Одна, вторая глава... А куда нести? Меня знали исключительно как юмориста. Ничего антисоветского в моей повести не было, но... societal-то тоже. Так мне (правда, по другому поводу) сказал один редактор, имея в виду под словом «советское» жизнеутверждающее начало. Тонко, да? Так вот я про своего «Мальчика» это понимал, а потому все написанное о детстве никуда не отнёс. И оно провалялось 24 года!

– А потом вдруг попало в руки. Посмотрел: вроде ничего – и отнёс в «Урал». Я же ничего там не придумывал. Это чёртов юмореску надо сочинить, придумать, а тут – просто эпизоды детства. И драмы в моём детстве никакой не было, чтоб на этом строить интригу. Не был я ни в гетто, ни в оккупации. Обычное детство обычного ребёнка, которое, правда, пришлось и на войну. Рядом люди картофельные очистки поджаривали и ели. А у меня вроде и голода-то не было. Щи, хлеб, шпённая каша. Это я позже осознал, что голодало-то мои мама и бабушка...

– Вообще, я сам не сразу понял, что вспоминаю и записываю. Оказалось, вспоминал и писал взросление. Как ребёнок превращается в маленького мальчика, потом – в подростка. Его самого и радует, и пугает, что он станет взрослым... Зато как автора меня процесс взросления очень занимал. И сегодня занимает. Почему одни становятся порядочными,

благородными людьми, другие – мерзавцами. Порой – в одной семье. У нас по соседству женщина воспитывала мальчишек: один стал профессиональным музыкантом, другой – вор. Откуда это? Помните аристотелевский фразеологизм «Tabula rasa» – «чистая доска». Младенец – «чистая доска». Как, почему и кто из него вырастает? Вот же важнейший вопрос для писателя!

– А сейчас – что-то пишете?

– Сейчас пишу много – назовём их так – стихотворений. Рифмую четыре строчки, максимум – восемь. Шутки по три в день. Я их называю «рифмульки». Например: «В стремленьи к правде неуклонном

Был вариант у патриота: Кто на Болотную – споклоном, Кто на Поклонную – в болото».

– Не юмор! Лет пять уже, после того, как потерял жену (а она очень много значила для меня), юмор не пишу, хотя знаю, что умею. Месяца два назад написал что-то вроде размышлений «К вопросу о расквашивании лодок» (вспомните традиционное обращение власти к оппозиции: «Не расквашивайте лодку!»), послал в «Литературку» – сразу поставили в номер.

– Стало быть, «рифмульки» и «размышлениями» юморист Дробиз продолжает говорить власти, чего она порой стоит?

– На рожон не лезу. И не лез. В 1984-м, когда отмечали 50-летие Союза писателей, первый секретарь Свердловского обкома КПСС Ельцин позвал к себе уральских писателей. Даже подготовился. Сообщил, что по этому случаю прочитал 12 журналов «Урал». Час с лишним рассказывал о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом перешёл к литературе и, как водится, просил больше писать о рабочем классе. Был бы я смелым, сказал бы: «Я много выступаю перед рабочими. На днях был в вехе токарей Уралмашзавода. Между прочим, интересовался о промышленности и сельском хозяйстве, потом пер